

А. В. АРХИПОВА

ДОСТОЕВСКИЙ И КАСПАР ХАУЗЕР*

Предлагаемое сообщение не претендует на полное раскрытие обозначенной темы. Скорее, это только подход к теме, так как содержит преимущественно предположения и гипотезы. Имя Каспара Хаузера ни разу не встречается в тех текстах Достоевского, которые дошли до нас и составили академическое Полное собрание сочинений и писем. Надо отметить, что имя таинственной и загадочной личности почти неизвестно в современной России в отличие от Германии, где Каспар Хаузер являлся фигурой настолько популярной, что стал героем романов, театральных постановок и кинофильмов. В России XIX в. это имя было достаточно известно. На русской сцене даже шли переводные пьесы о Каспаре Хаузере.¹

К. Хаузер (Hauser) — таинственный найденыш, обнаруженный 26 мая 1828 года на рыночной площади в Нюрнберге. Ему было на вид 16—17 лет, он почти не умел говорить и имел при себе письмо на имя офицера одного из стоявших в городе полков. В письме сообщалось, что юноша еще младенцем был подкинут автору письма, бедному поденщику, 7 октября 1812 года и воспитывался у него в полной тайне. В записке матери подкидыша, приложенной к письму, сообщалось его имя, дата рождения — 30 апреля 1812 года, а также, что отец его умер. Сам Хаузер мог рассказать только, что содержали его в каком-то темном чулане, куда по ночам приносили еду. Позднее некто, кого Хаузер не знал, приходил к нему, учил его ходить, говорить и писать. Личность Хаузера вызвала много толков о его происхождении. Его считали сыном какой-то важной персоны, жертвой споров из-за наследства. Несмотря на премию в десять тысяч гульденов, объявленную баварским королем за сведения о Хаузере, сведений этих никто не смог предоставить. Хаузера отдали на попечение профессора Даумера, который занялся образованием и воспитанием подкидыша, но способности юноши оказались очень ограничен-

* Статья написана на основе доклада, прочитанного 7 октября 2001 г. на XI симпозиуме Международного общества Достоевского «Достоевский и Германия» в Баден-Бадене.

¹ Сообщено Р. Г. Назировым.

ными. Через год Хаузер подвергся нападению: кто-то ранил его в голову, но преступника не нашли. Хаузеру назначили специальную охрану. Его перевели в г. Ансбах, где он стал служить писцом в канцелярии апелляционного суда, так как, несмотря на умственную отсталость, обладал превосходным каллиграфическим почерком. 14 декабря 1833 года кто-то пригласил Каспара Хаузера на свидание в дворцовый сад, обещая открыть тайну его происхождения. На этой встрече он был ранен ножом и через три дня скончался. После его смерти появились сочинения, авторы которых пытались доказать, что несчастный подкидыш — сын баденского великого герцога Карла (1786—1818) и его первой жены Софии Богарнэ, племянницы Наполеона I.² Вторая жена герцога — графиня Хохберг, желая передать престол своему сыну, подменила Каспара другим, тяжело больным ребенком, который умер через несколько дней. Споры о происхождении Каспара Хаузера велись весь XIX в. Тема принадлежности его к Баденской династии до сих пор исследуется немецкими учеными.³

Как уже отмечалось, таинственность этой личности привлекала многих. Заинтересовала она, вероятно, и Достоевского. И хотя прямых указаний на знакомство писателя с биографией Хаузера нет, я попытаюсь показать, что история этого человека, его темная и загадочная судьба отразились в художественном творчестве русского романиста.

В 1867 году Достоевский должен был начать работу над новым романом для журнала «Русский вестник». Получив от М. Н. Каткова аванс в 2000 р., Достоевский на эти деньги уезжает вместе с молодой женой за границу 1 мая (19 апреля) 1867 года. Достоевские прибыли в Дрезден, где писатель, еще не приступив к роману (он работал в это время над не дошедшей до нас статьей о В. Г. Белинском), прилежно ходил в библиотеку и изучал литературу, часто недоступную в России, в частности издания А. И. Герцена. А. Г. Достоевская в своем «Дневнике 1867 года» под 30 апреля (12 мая) сообщает об очередном посещении библиотеки: «...мы взяли опять три № „Полярной звезды“ и Фейербаха, отдали в залог 2 талера».⁴ Возможно, что здесь речь идет не о сочинениях Людвиг Фейербаха, как следует из именного указателя к изданию «Дневника», а о книге его отца, известного криминалиста Пауля Иоганна Ансельма Фейербаха, «Несколько важ-

² О Баденской династии и браке Карла с Софией Богарнэ см.: *Эфферн Р.* Трехглавый орел: Русские гости в Баден-Бадене. М., 1998. С. 32—33, 56, 57; на с. 176 — генеалогия Баденской династии.

³ См.: *Pries H.* Kaspar Hauser. Eine Dokumentation. Ansbach, 1966; *Keuler P. J.* Der Findling Kaspar Hauser (17.12.1833) als medizinisches Phänomen: Eine medizinhistorische Analyse der überlieferten Quellen. Bochum, 1997; *Weckmann B.* Kaspar Hauser: die Geschichte und ihren Geschichten. Würzburg, 1993.

⁴ *Достоевская А. Г.* Дневник 1867 года. М., 1993. С. 25.

ных сведений, относящихся к несчастному подкидышу Каспару Хаузере» (Берлин, 1831).⁵

В самом деле, сочинениями Людвиг Фейербаха Достоевский не очень интересовался. Имя это встречается у писателя один раз в статье «Старые люди» (1873) в ироническом контексте (см.: 21, 11). Имя же криминалиста Ансельма Фейербаха могло быть известно Достоевскому и могло его заинтересовать. Возможно, во время работы над «Преступлением и наказанием» писатель познакомился с известной тогда книгой А. Бернера «О смертной казни», вышедшей в Петербурге в 1865 году и обратившей на себя внимание прессы. В книге приводилось суждение А. Фейербаха о психологическом состоянии убийцы: «Человек, однажды обливавший свои руки кровью такого же индивидуума и помирившийся со своей совестью, всегда останется для общества таким же ужасным и страшным, как и опасным явлением (...). Кто совершил такое кровавое дело, тот должен или сойти с ума, или в одной смерти искать спокойствия; или же — если ни одно из двух, — то кровавая смерть, нанесенная им ближнему, нравственно убивает его самого. Такое преступление походит на образ Медузы: здесь окаменевают не тело, но нравственная часть души».⁶ Эта мысль была вложена Достоевским в уста Раскольникова, который признается Соне: «Разве я старушонку убил? Я себя убил» (6, 322). Это подтверждает предположение о знакомстве Достоевского с суждениями А. Фейербаха, и потому, встретив в дрезденской библиотеке его книгу о Каспаре Хаузере, имя которого ему, вероятно, было известно, Достоевский заинтересовался этой книгой и прочел ее.

Если Достоевский в мае 1867 года действительно познакомился с книгой А. Фейербаха о Каспаре Хаузере, то интерес писателя к личности таинственного подкидыша мог впоследствии удовлетворяться получением каких-то дополнительных сведений о нем. В июле—августе 1867 года Достоевский побывал в Баден-Бадене. Здесь его интерес к К. Хаузере, возможному представителю Баденской династии и наследнику престола, злодейскими происками лишенному наследства, мог укрепиться.

В конце августа того же года Достоевские перебираются в Женеву, где начинается систематическая работа над романом для «Русского вестника» — будущим «Идиотом». Первый план романа датирован 14 (2) сентября. Но еще до приезда в Женеву Достоевский обдумывал будущий роман и его план, о чем сообщил в письме к

⁵ Feuerbach P. J. A. Einige wichtige Actenstücke den unglücklichen Findling Caspar Hauser betreffend: In 2 Bd. Berlin, 1831. За это указание приношу свою благодарность проф. Эрхарду Хексельшнайдеру (Лейпциг).

⁶ Бернер А. О смертной казни. СПб., 1865. С. 33. См. также: 7, 392 (примеч. Г. Ф. Коган).

А. Н. Майкову 16 (28) августа: «Я приехал в Женеву с идеями в голове. Роман есть...» (28₂, 212).

Однако наброски сентября—октября 1867 года показывают, что первоначальный замысел романа, как это обычно бывало у Достоевского, сильно отличался от его окончательного текста. Герой этой первоначальной редакции романа назван Идиотом, но он совсем не похож на будущего князя Мышкина. Это нелюбимый сын в каком-то большом разорившемся и внутренне распавшемся семействе. Потом, в ходе дальнейшей работы, Идиот превращается в пасынка, потом в незаконного сына какого-то родственника описанного семейства. В планах середины октября появляется такая запись, озаглавленная «Новый план»: «Забитый {...} NB. Просто забитый — ничего не будет кроме забитого» (9, 156). Разрабатывается характер какого-то изгоя, злобного и мстительного. 18—20 октября Достоевский записывает: «План на *Яго*. При характере Идиота — *Яго*» (9, 161). Т. е. подразумевается иной поворот характера — злодея и интригана, который затем должен духовно переродиться.

На каком-то этапе развития сюжета появляются новые мотивы: Идиот приезжает «в семейство» то ли из Москвы, то ли «из деревни». Отец разорившегося семейства оставил его и живет где-то за границей. Эти мотивы, не реализованные в окончательном тексте романа «Идиот», попали потом в роман «Подросток»: разорившееся семейство, отец за границей, незаконный сын приезжает из Москвы и т. д.

В начале ноября 1867 года в планах романа возникают эпизоды, приближающиеся к окончательному тексту: «Идиот у генералов. Идиот пленяет всех детскою наивностью» (9, 174). В записи от 2 ноября впервые появляется Швейцария: «Швейцария — темно и грустно» (9, 177). Теперь Идиот приезжает из Швейцарии.

В эти же дни октября—ноября среди черновых записей к «Идиоту» появляются наброски другого замысла. Достоевский озаглавил их: «Одна мысль. (Поэма). Тема под названием „Император”» (9, 113). Это замысел исторического произведения, посвященного трагической судьбе русского императора Иоанна Антоновича (1740—1764), которого императрица Анна Иоанновна объявила своим наследником. Он родился незадолго до ее смерти, после кончины Анны Иоанновны был провозглашен Иоанном VI, но через несколько месяцев, в 1741 году, свергнут в результате дворцового переворота, приведшего на престол Елизавету Петровну, и заточен в Шлиссельбургскую крепость. Он не знал своего имени и ничего не ведал о своем происхождении. В 1764 году Иоанн Антонович был убит стражей при попытке его освобождения офицером В. Я. Мировичем, который хотел снова возвести Иоанна на трон.

Как установил Г. М. Фридлендер в своих комментариях к публикуемому им тексту «поэмы» «Император», Достоевский получил

сведения об Иоанне Антоновиче главным образом из статьи В. И. Семецкого «Иоанн VI Антонович (1740—1764). Очерк из русской истории». ⁷ Однако интересно, почему осенью 1867 года Достоевский обратился к этой не характерной для него теме. Замыслы на исторические темы мы находим у писателя только в юности. Это задуманные под влиянием Ф. Шиллера или А. С. Пушкина «Мария Стюарт», «Борис Годунов», о которых ничего не известно, кроме заглавий. Зрелый Достоевский писал только о современности, что всегда подчеркивал, относя себя к писателям, «одержимым тоской по текущему» (13, 455). Рискну предположить, что на возникновение этого замысла повлияло знакомство Достоевского с биографией Каспара Хаузера. Узнав подробности его жизни, писатель вспомнил о русском варианте «железной маски» — несчастном Иоанне Антоновиче. Следует отметить, что Достоевский, видимо, разделял мысль о принадлежности Хаузера к Баденской династии.

Писателя заинтересовала проблема формирования человеческой личности, находящейся в полной изоляции от внешнего мира и развивающейся имманентно. Подчеркну, что Иоанн интересовал его не как исторический персонаж, а как психологический феномен.

«Подполье, мрак, юноша, не умеет говорить», — записывает Достоевский в набросках к «Императору». И далее: «Описание природы этого человека. Его развитие. Развивается сам собой, фантастические картины и образы, сны (...)» (9, 113). Писателя занимало, каким явится подобный человек при первом столкновении с внешним миром. Из набросков к «Императору» следует, что он сохраняет в неприкосновенности свою детскость, наивность, неиспорченность. Здесь можно проследить связь с многочисленными детскими образами Достоевского. Писатель был убежден, что душа младенца чиста и непорочна, он любил повторять евангельское изречение: «А иже аще соблазнит единого малых сих верующих в мя, уне есть ему, да обесится жернов осельский на выи его, и потонет в пучине морстей» (Мф. 18: 6). И лишь подвергаясь испытанию внешним миром, уже в переходном (подростковом) возрасте душа ребенка становится озлобленной и противоречивой. Писатель великолепно показал эту сложную противоречивость на примере образов «трудных» подростков: Нелли Валковской, Аркадия Долгорукова, Лизы Хохлаковой, Коли Красоткина и др.

Иоанн Антонович еще вполне дитя. При первом столкновении с людьми он проявляет наивность, кротость, любовь к ближнему (он так полюбил Мировича, что говорит ему: «„Если ты мне не равен, я не хочу быть императором” — т. е. чувство, чтоб не потерять его дружбу» (9, 113)), ужас перед страданием живого существа («страшное впечатление» производит на него смерть кошки: «Я не хочу

⁷ См.: Отечественные записки. 1866. № 4.

жить» — 9, 114). Когда «комендант закалывает Императора шпагой», «тот умирает величаво и грустно» (9, 113).

Таким же, возможно, представлялся Достоевскому и Каспар Хаузер, человек настолько наивный и доверчивый, что сам, подобно Иоанну Антоновичу, пошел навстречу собственной смерти.

Все эти размышления о человеке-«младенце» коренным образом повлияли на трансформацию сюжета и главного героя романа об Идиоте. О том, что замысел «Императора» отразился на создании образа князя Мышкина, писали публикаторы и комментаторы этого текста — Н. Л. Бродский и Г. М. Фридендер. «Биография героя этой „поэмы“ — юноши, который почти до 20 лет воспитывался „во мраке“, в „темнице“, и „не умеет говорить“, а затем, впервые столкнувшись с ними, умирает, познав человеческие страсти и страдания, по своему внутреннему трагическому смыслу близка биографии Мышкина», — отмечено в комментариях к «Императору» (9, 484). Однако, подчеркнув неготовность узника к реальной жизни и тот факт, что он стал жертвой обстоятельств, комментаторы оставили в стороне положительное, светлое, доброе начало этой личности. Для Достоевского же, думается, именно это было главным. Можно предположить, что образ Каспара Хаузера послужил для писателя толчком к творческим размышлениям. Герой будущего романа — Идиот — представляется теперь не злодеем (Яго), не забитым и хитрым интриганом, а «положительно прекрасным человеком», о чем Достоевский и сообщил в письме к А. Н. Майкову от 12 января 1868 года (см.: 28₂, 241).

Чтобы стать таким героем — незлобивым, кротким, любящим и прозорливым, — Идиот должен был иметь особую биографию, он должен был сохранить свою детскость и неиспорченность, т. е., подобно Каспару Хаузеру и Иоанну Антоновичу, находиться в изоляции от внешнего мира. Биография К. Хаузера могла дать материал для наполнения образа Идиота в его новом варианте какими-то деталями и подробностями. В ноябре 1867 года Достоевский приступает к созданию связного текста романа, но этот первоначальный вариант был автором уничтожен.⁸ Поэтому мы не можем судить о том, как сказалась биография К. Хаузера на этой стадии разработки «Идиота». В декабре (22/10) Достоевский начинает диктовать Анне Григорьевне уже окончательный вариант романа, а 24 декабря (5 января) отправляет в «Русский вестник» первые пять глав первой части «Идиота».⁹

В это время (декабрь 1867 года) сюжет романа еще не был окончательно разработан, но характер главного героя уже определился

⁸ См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1994. Т. 2. С. 149 (Ноябрь, середина), с. 150 (Ноябрь 19).

⁹ См.: Там же. С. 154, 155.

(что подтверждает уже упоминавшееся письмо к А. Н. Майкову от 12 января 1868 года).

Достоевский, как это вообще характерно для его творческого процесса, продолжает разработку сюжета романа наряду с написанием окончательного текста начальных глав и частей. Сюжет видоизменяется, отходит от первоначального замысла, отчего возникают некоторые сюжетные «нестыковки» в тексте первых и последующих глав. Эти «нестыковки» — отдельные персонажи, сюжетные мотивы, о которых автор как бы забывает впоследствии, — мы встречаем во многих романах Достоевского. Есть они и в «Идиоте». Подобным рудиментом первоначального варианта текста представляется мне наделение Мышкина особым каллиграфическим талантом. Черта эта взята из биографии Каспара Хаузера, каллиграфические способности которого поражали современников и помогли ему исполнять должность писца в г. Ансбахе.

Мышкин также, несмотря на свою продолжительную болезнь и отсутствие систематического образования, поражает необычайными способностями каллиграфа. В ходе романа эта его черта никак не проявляется и никакой роли в характеристике князя не играет. Но в III главе первой части описанию каллиграфического таланта своего героя Достоевский отводит большое место.

Что касается образа князя Мышкина в окончательной редакции «Идиота», то биография его наталкивает на некоторые аналогии с биографией Каспара Хаузера. Мышкин — это человек не от мира сего, это особенный человек, не похожий на других. Он попадает в петербургское общество внезапно, приходит издалека, из другого мира, и некий ореол тайны окружает его.¹⁰ Добавим, что, являясь в начале романа никому не известным, одиноким и абсолютно нищим человеком всего с несколькими копейками в кармане и с сопроводительным письмом некоего Павлищева, Мышкин оказывается представителем древнего рода, имеет высокое происхождение, в чем, возможно, сказались отзвуки легенды о К. Хаузере. Но главное, что осталось в романе и что, возможно, присутствовало уже в ноябрьском первоначальном варианте текста, это то, что герой, находясь в изоляции от внешнего мира, смог сохранить в неприкосновенности свою детскую душу, открытую всем впечатлениям бытия, и это помогает ему быть чутким и прозорливым, ощущать истину подобно ребенку.

Однако детскость приводит его к гибели, так как он не подготовлен к реальной жизни, не защищен, не имеет сил и опыта для активной борьбы со злом. Это объединяет Мышкина с Иоанном Антоновичем и Каспаром Хаузером, которые погибли не только потому, что

¹⁰ См. об этом: *Лотман Л.М.* Реализм русской литературы 60-х гг. XIX века. Л., 1974. С. 251.

казались кому-то опасными, но и потому, что, согласно легенде о них, были не защищены, неопытны и слишком доверчивы.

Примечателен факт «обратного» влияния образа князя Мышкина на восприятие характера Каспара Хаузера. Речь идет о романе Я. Вассермана «Каспар Хаузер, или Леность сердца» (1908), который Г. М. Фридендер в своей работе «Достоевский и немецкий роман XX века» сближает с «Идиотом». «Создавая образ Каспара, — подчеркивает исследователь, — Вассерман находился под обаянием „Идиота“». Подобно Достоевскому, он стремился нарисовать свой вариант образа наивного, гармонически прекрасного человека (...). Чистый душой и органически чуждый всякой лжи, наивный и благородный Каспар противостоит в романе и мещанско-бюргерской и дворянско-чиновничьей Германии своего времени». ¹¹

И хотя в целом роман Вассермана не столько развивает реалистическую традицию литературы XIX в., сколько, по замечанию Г. М. Фридендера, сближается «с написанными вскоре романами Кафки, литературой и философией послевоенного западного экзистенциализма», ¹² сходство его героя с князем Мышкиным очень показательно.

В существующей литературе об «Идиоте» много говорится о предшественниках князя Мышкина, его прототипах и литературных источниках. Помимо Христа, на которого ориентировался Достоевский, создавая своего «положительно прекрасного человека», называют Дон-Кихота Сервантеса и Пиквика Ч. Диккенса, героев Ж.-Ж. Руссо и «новых людей» Н. Г. Чернышевского.

Думается, что к прототипам этого великого образа можно отнести и Каспара Хаузера — таинственного подкидыша с трагической судьбой.

¹¹ Фридендер Г. М. Достоевский и мировая литература. Л., 1985. С. 337.

¹² Там же. С. 338.